

Юлия ДРУНИНА

(МОСКВА)

04

Однажды несколько писателей-фронтовиков договорились приглашать на каждую встречу Дня Победы ровесницу Победы. Тогда ею была двадцатилетняя девушка. Теперь и этой девушке, и всем ровесникам Победы уже идет тридцать шестой год. Тридцать шестой год подряд впервые в истории благодаря мужеству и самоотверженности России в Европе мир! За это время у нас создана великая литература о войне. Такой литературы о второй мировой — предельно честной, психологически сложной, жизнеутверждающей, несмотря на свою жестокую откровенность, патриотичной — нет больше нигде.

Только среди самых юных ветеранов войны, тех, кому в 1941-м было 17—20 лет и из которых, по статистике, уцелело всего 3 процента, то есть трое из 100, появились писатели, чьи имена уже неотделимы ни от литературы, ни от войны.

Молодежь остро чувствует красоту фронтового братства, задумывается над природой той высокой настроенности души, которая бросала человека на вражескую амбразуру. Из книг фронтовиков молодые понимают, что освободительная война — это не только смерть, кровь и страдания, но и высшие взлеты человеческого духа — бескорыстия, самоотверженности, героизма. Вряд ли кто будет спорить с этим.

Но удивительно, что до сих пор у нас нет большого систематизированного литературоведческого труда, в котором было бы обобщено все, что сделано за три с половиной десятилетия так называемым огненным поколением.

Скажу больше. Порой даже, как это ни странно, делаются невольные попытки принизить значение нашей военной прозы и поэзии. Так, недавно я с удивлением узнала, что (цитирую) в «литературе о Великой Отечественной... главные достижения — впереди», что «наша поэзия только начинает

ныне осознавать свою задачу во всем ее грандиозном масштабе», что фронтовое поколение «не поднялось до уровня художественного освоения этой темы», да и не могло, оказывается, подняться, поскольку, видите ли, А. Толстой создал «Войну и мир» только через 50 лет после нашествия Наполеона. Потрясающая логика!

Речь идет о диалоге между критиками Александром Михайловым и Вадимом Кожиновым. Приведенные цитаты принадлежат последнему.

Ну ладно, а не появился Толстой, не будь явления этого гения, который, между прочим, и о мире неплохо пописывал, да и деревенской тематикой владел недурно? Да что он, Лев Николаевич, специально родился в то время, когда было нужно, чтобы подтвердить теорию критика?

К тому же я думаю, что даже Толстой не написал бы о войне так, как он написал, если бы лично не участвовал в Крымской кампании, если бы не сражался на севастопольском бастионе.

Человек на войне, советский человек на войне, в экстремальных условиях, в аду, любящий жизнь, но еще больше — Родину. Его страх и его бесстрашие — вот что волнует в произведениях фронтовиков. «Когда на смерть идут — поют, а перед этим можно плакать. Ведь самый страшный час в бою — час ожидания атаки... Мне кажется, что я магнит, что я притягиваю мины. Разрыв — и лейтенант хрипит. И смерть опять проходит мимо». Чтобы написать такие стихи, Семен Гудзенко должен был сам полежать под минометным огнем.

О послевоенном поколении мне хочется сказать стихами К. Ваншенкина: «Пусть же всех обойдет по уму и по сердцу. И станет — как веха. Ведь ничто не мешает ему, — в первый раз за три четверти века. Не лежало оно под огнем, но мечтает о чести и славе. И шумит, и поет под окном поколение в полном составе». Дай бог ему остаться «в полном составе» и превзойти по уму и по сердцу тех, кто уже подходит к финишу...

Закончу свое выступление словами комиссара Великой Отечественной А. И. Брежнева:

«Все меньше среди нас участников Великой Отечественной войны. Их дела, их подвиги переходят в легенды, становятся частью памяти народной и души народа. Уважение к ветеранам исторических битв, забота о них — это моральный закон нашей жизни...» (Аплодисменты).

7 ДЕК 1980

МОСКВА